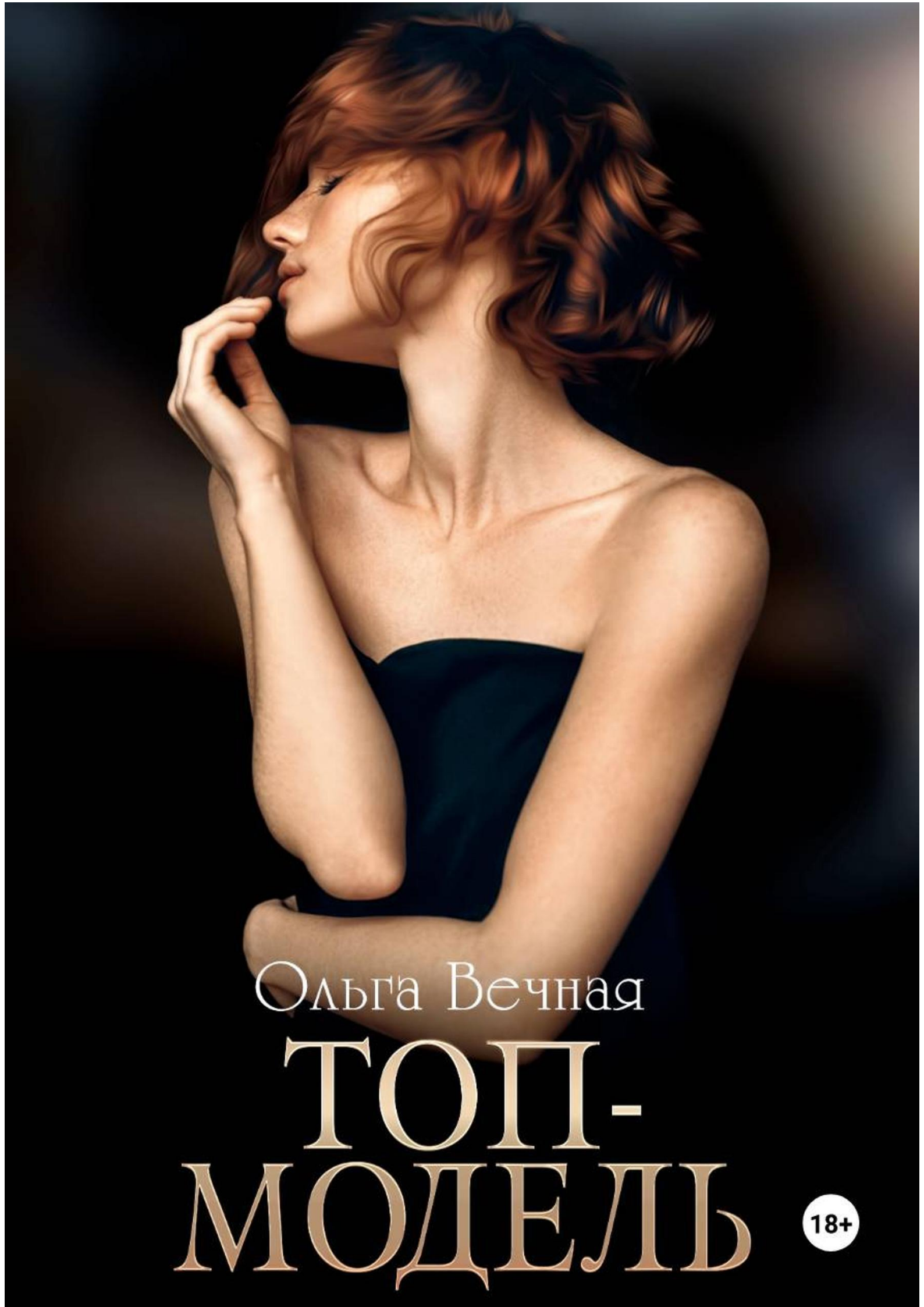

Ольга Вечная
ТОП-МОДЕЛЬ
18+

Ольга Вечная

Топ-модель

«Автор»
2026

Вечная О.

Топ-модель / О. Вечная — «Автор», 2026

— В смысле на Одинцова нет компромата? Ему за тридцатник, должно быть хоть что-то!— Если он и мутил криминал, то без палева. Из нормальной семьи, без вредных привычек, собирается жениться.— Любовницы, шлюхи? — По нулям.— Так организуйте! Скоро мальчишник у Басова, подложите под Одинцова девку. Пусть потом заявление накатает, мол, изнасилование.— Так а если он не захочет?— Подсыпьте в стакан что-нибудь, чтобы захотел. И девицу подсуньте поярче. Модель какую-нибудь известную, для красивых заголовков.

© Вечная О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 20
Глава 7 22
Глава 8 26
Глава 9 31
Глава 10 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Ольга Вечная
Топ-модель

Всё вымышлено, любые совпадения случайны

Пролог

Лёва работает на Ростислава Убейволка последние лет десять. Ростислав буквально спас его: вытащил из плохой компании и вообще сделал столько хорошего, сколько Господь Бог не делал для человечества, тем более что в Бога Лёва не верит принципиально. Вернее, не столько в Бога, сколько в ад, куда попасть отчаянно боится.

Лёва умеет быть благодарным и жутко переживает, потому что сегодня босса порадовать не получится.

Чертов Максим Одинцов его бесит до колотуна, до истерики и какого-то невыносимого отчаяния и сухой безысходности. Он бы придушил Одинцова собственными руками, если бы можно было! Это так, мысли, разумеется. Лёва официально работает на серьезного человека, и старые методы давно не в их стиле.

К сожалению.

Одинцов — настоящая тварь, это всем понятно. Принципиальный, циничный, удачливый сукин сын. Выродок какого-то посла, рожденный с серебряной ложкой во рту. Лёва таких на дух не переносит, как и их очевидную уверенность в себе. Безупречную внешность. Вокруг таких всегда много красивых женщин, и простить это Лёва не может особенно.

Ему уже кошмары снятся с этим типом, и через минуту один из них ждет его наяву. Лёва проходит мимо миловидной секретарши, влажными от волнения руками поправляет пиджак и стучится в дверь.

— Да-да, — приглашает Ростислав Анатольевич. — Что там у тебя? Дверь закрой только.

Лёва до сих пор поверить не может, что работает в этом замечательном здании в столице страны. Он благодарен судьбе за шанс и трудится действительно хорошо. Настолько, насколько только способен.

Кратко обрисовывает ситуацию.

— В смысле на Одинцова нет компромата? — ревет Ростислав Анатольевич. — Эта падла деньги гребет лопатой, у него на лбу написано: «бандит»! Мужику за тридцатник, должно быть хоть что-то, хоть по юности-молодости!

— Если он и мутит криминал, то без палева, босс. Из нормальной семьи, босс, наркотой не балуется, босс, либо поставщики у него какие-то свои. Собирается жениться, на этой, как ее. Ну вы знаете.

— Любовницы, шлюхи?

— По нулям.

— Как по нулям?!

— Не х-ходит. К шлюхам.

— Все ходят, а он не ходит?! Че за бред?

— Думаю, он знает, что вот-вот займет пост, босс, и ведет себя аккуратно.

Убейволк психует, швыряет в Лёву папку с бумагами. Тот машинально уворачивается и, извинившись, кидается собирать разбросанные листы. Убейволк поднимается и проходит по кабинету.

— Так организуй! О, скоро мальчишник у его дружка Басова, там и подложи под Одинцова девку. Пусть потом заяву накатает, мол, изнасилование.

— Так а если он не захочет? Ее. Ну, того-самого.

— Подсыпь в стакан что-нибудь, чтобы захотел. Ну не мне тебя учить! И девицу подыщи поярче. Модель какую-нибудь известную, для *красивых* заголовков.

— Палевно, босс. Виагра, модель...

— Палевно будет, когда он займет пост и первым делом нас под статью подведет. Вот что палевно. Одинцов — сука последняя, с ним не договоришься. Лёва, не беси меня, в эту субботу все сделай. Времени не осталось.

В этот момент дверь распахивается и в кабинет влетает тот самый, чтобы его КАМАЗОМ НАСМЕРТЬ СБИЛО, Максим Одинцов.

У Лёвы пересыхает во рту от убийственного совпадения.

— День добрый, Ростислав Анатольевич и... — Одинцов смотрит на Лёву: — Вы. Я без реверансов, по делу. Тут какая-то ерунда происходит на торгах, обсудим? — рубит словами. Бросает еще один раздраженный взгляд на Лёву, словно отправляя на выход.

Кровь в жилах закипает.

— Лев Васильевич, идите, — произносит босс, многозначительно кивнув.

Лёва слушается. Вываливается из кабинета, мысленно обещая себе, что устроит врагу «веселенькую» жизнь. Такую, что КАМАЗ станет несбывшейся мечтой.

Глава 1

— Аня, это не ты там? — Вероника тычет пальцем в огромный баннер у дороги.

Все в автобусе поворачиваются к окну, потом палят на меня.

Ка-пец! Желудок сводит, я нервно сцепляю пальцы и закатываю глаза:

— Если бы! — Бурчу: — Я бы тогда на том пляжу загорала в бикини, а не готовилась сутки напролет напитки разносить.

— А похожа так!

— На пляжЕ. Не на пляжу, а на пляже, Аня! — вклинивается Стас, наш менеджер. — И нет, не похожа. У модели нос меньше, а грудь... наоборот, в общем. Но легкое сходство действительно имеется.

Молчи, Зима, молчи. Ты тут по работе.

Сжимаю зубы и смотрю в пол, на свои старые, стремные, видавшие еще Упоровку кроссовки. Признаваться нельзя: будут высмеивать. Это мы уже проходили.

И да, та беззаботная девушка на баннере действительно я, Аня Февраль, рекламирующая тушь, на которую и в помине нет денег. А Упоровка — реальное название деревни, в которой я родилась и выросла. Именно так, клянусь вам, и записано в паспорте.

Моя жизнь могла бы быть похожей на историю Золушки. Мы с мамой повезли брата в больницу в Волгограде, шли по улице, когда нас догнал известный фотограф и вручил визитку.

Дальше пробные фотосессии, контракт, переезд в Москву! Я думала, чудо чудесное приключилось со мной — костлявой и длинной рыжеволосой девицей. Где такое видано: улыбайся, и тебе платят. Улыбаться я могу хоть круглосуточно, это вам не картошку окучивать.

Что я и делала с утра до ночи, пока этот самый фотограф не предъявил мне свой кожаный микрофон и не потребовал в него спеть, когда мы остались наедине в гримерке.

Не знаю, как в Москве, а в Упоровке за такое можно и отхватить! Я так сильно испугалась, что растеряла уважение к старшим. Фотограф мне в дедушки годится, но, когда он сдернул с меня майку, картинку заволокло туманом. Ужас и шок наложились на огромную признательность и восхищение. Я окончательно запуталась и... случайно пнула, потом, тоже случайно разумеется, швырнула в лоб граненый стакан. Вылетела в коридор и бежала, бежала... пока не оказалась в общежитии, где снимала комнатку.

Боже-боже-боже, мой отец бы со стыда сгорел, если бы узнал, в какой унизительной ситуации я оказалась.

Автобус останавливается, и Стас радостно вещает:

— Девочки и мальчики, теперь пешком к пирсу. Видите огромную, как в сладком сне, яхту? На ближайшие сутки это ваше место работы. Я понимаю, что у вас челюсти поотпадывали, но держите себя в руках, вы — лишь обслуга. Напоминаю, у бизнесмена Георгия Басова мальчишник, и наша задача — организовать лучшую вечеринку в его жизни! Если что-то пойдет не так, лично с корабля в море выброшу на корм акулам! — Он весело гогочет, пока мы высыпаем на парковку. — Шутка!

Менеджер Стас — неплохой человек, это уже третье мероприятие, на котором я работаю под его руководством. Платят исправно, люди, только бывают не очень — оскорбляют, могут по заднице шлепнуть, однажды в меня плеснули коктейлем ради развлечения. Но дальше не заходят, Стас гарантирует неприкосновенность.

На самом деле я понятия не имею, что делать и как жить дальше. В Упоровку возвращаться — засмеют, да и родители ждут обещанные золотые горы, аванс давно потратили. Быстро качаю головой. Нет уж, пусть лучше Стас скормит рыбам в морюшке. Оно такое красивое!

Я выхожу на улицу и с открытым ртом рассматриваю высокий скалистый берег, голубое небо, бескрайнее море, сверкающее в лучах утреннего солнца синевой... И правда отвал башки. Душа белой чайкой бьется, дух захватывает! Увидев такое, и помереть не жалко.

Громкий мужской хохот заставляет обернуться.

Невдалеке припаркованы дорогущие, отполированные до блеска машины. У самого обрыва стоят те, кто на них прибыл: богатые, наглые, одетые с иголочки представители противоположного пола и по совместительству — власти. Человек двадцать. Басисто смеются, да так, что волоски по спине дыбом. Чуть в стороне, у микроавтобусов толпятся куклы Барби в коротких платьях. Это... признаться стыдно — эскортницы. Я не настолько наивна, чтобы верить, будто эти мудаки притащили на мальчишник жен.

Мудак — слово грубое, но как их еще назвать-то после этого?

Мудаки форменные.

Тошнота подкатывает к горлу. Как так можно? Я не понимаю. Просто не понимаю! Если я однажды и выйду замуж, то только за простого, доброго парня. Какого-нибудь учителя. Этим же мужчинам довериться — высшая глупость.

— Помогите! Кто-нибудь, ради бога! — вырывает из раздумий истошный женский крик, который доносится откуда-то... снизу?

Мы подбегаем к обрыву и видим женщину, снующую по валуну, а в море... о нет, в море сражается со стихией маленький мальчик.

Сердце замирает от ужаса. Время несется вскачь.

Гул в ушах прерывается ударами сердца, и все прошлые заботы уходят на десятый план.

Море безжалостно, оно точит огромные камни, вместе с тем все дальше утягивая малыша. Женщина кричит, потом прыгает в воду, добирается до ребенка и пытается его поддержать, но в итоге они вдвоем... уходят вниз.

Я зажимаю рот рукой и начинаю задыхаться.

Они всплывают на миг, чтобы сделать вдох, и вновь тонут. Женщина отчаянно гребет, но куда там! Ей не справиться.

Море неумолимо. Оно не прощает ошибок, забрать человека для него — развлечение. Стас и другие мужчины несутся по лестнице, но время работает против них — мы слишком высоко. Женщина тонет, из последних сил поднимая сына над водой.

В следующий момент один из мужчин скидывает пиджак, разбегается и прыгает.

Я задерживаю дыхание, наблюдая за тем, как он летит вниз и врезается в водную гладь. Тут высота... метров двадцать.

— Разобьется! Он сейчас разобьется об камни! — кричит Вероника.

Через мгновение мужчина выныривает, хватает ртом воздух и подплывает к тонущим. Женщина ведет себя неадекватно, цепляется за него, опирается, топит.

Море злится волнами. Шумит. Чайки вопят.

Какая трагедия! Какой ужасный день! Я вытираю слезы и тоже несусь вниз вслед за Вероникой. Сама молюсь: «Боже, пусть у этого человека получится! Пусть он спасет малыша и его маму!» Клянусь, если ему удастся, я не стану осуждать ни его, ни его компанию. Пусть делает на яхте этой ночью что хочет, хоть с эскортницами, хоть с кем! Но ребенок... он ведь не виноват ни в чем. Он просто... поскользнулся.

Глава 2

Железная лестница опасно шатается, мои кроссовки едва касаются ступенек.

Шумный вдох-выдох, прыжок через две! Поворот к новому пролету и снова. Я хватаюсь за перила, чтобы не вылететь, и перебираю ногами так быстро, как только способна.

Проношусь мимо притихших на смотровой туристов. Они фотографируют? Мир замер в ожидании развязки.

Когда мы с Вероникой добираемся до берега, что-то уже произошло: народ стоит полукругом, все нервно кричат, жестикулируют.

Еще несколько шагов, и открывается картина: вымокший до нитки мужчина оперся на валун, склонил голову и часто, рвано дышит. Он в брюках и рубашке, с них ручьями стекает вода. Босиком. Рядом дрожащий от холода побледневший мальчик кутается в чей-то пиджак, который ему как пальто. Мать быстро стягивает с малыша мокрые вещи, обнимает, целует.

Выдыхаю с облегчением: беды не случилось. Не сегодня.

— Давайте скорую дождемся, — предлагает, кажется... жених. Георгий Басов. Судя по тону, делает это в десятый раз. Цокает языком. — Или я вас хотя бы довезу до больницы.

Пострадавшая явно нервничает.

— Ничего не нужно, я на машине, — говорит прерывисто, поправляя волосы. — Мы вышли сделать фотографию. Я не думала... Не знала... Тут красиво.

— Макс, ты как? У тебя, блин, кровь, спасатель.

Тело «спасателя» бьет крупная дрожь, хотя он и пытается ее унять. Море уже успело остыть.

Макс... Максим, значит.

Он поднимает голову, ведет рукой по щеке, смотрит на пальцы — и правда, кровь. Вдруг оглядывается, прищурившись.

— Жора, мать твою, менты. Убирай! — выдает сквозь зубы, кивая на толпящихся Барби в мини-юбках.

— Пи-здец! — восклицает жених, отбегает и начинает хлопотать.

Женщина тем временем хватает ребенка и делает несколько шагов в сторону. Все остальные разделились на две группы: те, кто в ступоре, и те, кто суетится без дела, создавая шум. Я быстро достаю из сумки салфетки.

— Дождитесь врача, — окликает пострадавшую Максим.

У него грубоватый голос, который слышать неловко. У меня... мало опыта общения с такими мужчинами.

Он вытаскивает из кармана брюк вымокший айфон последней модели, такие у всех в агентстве, с которым я подписала контракт. Максим смотрит на мобильник тупо, беззвучно выдает: «Блядь».

Мать возвращается. Я решаю, что она хочет поблагодарить героя, обнять или что-то в этом роде, но вместо этого женщина открывает сумку, нервными движениями вынимает из кошелька три купюры и протягивает Максиму.

— Вы с ума сошли, — медленно произносит он.

— Возьмите. Берите же! — Женщина психует. Бросает семьсот рублей на камень и, схватив ребенка, улепетывает.

— Остановить ее, Максим Станиславович? — раздается откуда-то слева.

— На каких основаниях? — Максим смотрит ей вслед, едва мазнув взглядом по деньгам. — Кто-нибудь, блядь, принесет полотенце?

Его вновь сотрясает крупная дрожь от порыва ветра, да так, что сердце сжимается. В эту секунду до меня доходит, что он совсем взрослый, лет тридцать, наверное. Рубашка облепляет

грудь, руки. Намокнув, она просвечивает, и видно большую татуировку на правом плече. На запястье болтается нитка и что-то вроде... фенечки. Необычно, и совсем не подходит под его образ. На шее тонкая цепочка или... тоже нитка?

Еще одна капля крови течет по виску.

— Вы дорогой телефон утопили, — доносится тот же голос.

Я подхожу ближе и протягиваю салфетки. Неудачный момент! Потому что Максим натурально рявкает:

— И что?!

Аж подпрыгиваю! Он это замечает, переводит глаза на меня, и целый удар сердца мы пялимся друг на друга в упор.

Глаза у Максима почти черные. И сам он, если начистоту, непривычно смуглый, я таких только в кино видела. У нас в деревне жил один пакистанец, но внешне он был совсем другой — маленький и некрасивый. А Максим высокий и... неважно. Цепляю взглядом фенечку на его руке, и мелькает мысль о цыганах.

Максим смотрит в глаза и тем самым вызывает доверие, хотя от его баса я все еще не способна разговаривать. Это было убийственно резко.

— Извините, я не вам. Замерз и наглотался воды, — произносит он быстро. Вежливо, но при этом не оправдываясь.

— У вас кровь. Извините. То есть вот салфетки. — Я тоже не собираюсь тушеваться.

— Спасибо. Укусила она меня или поцарапала, не пойму, — усмехается Максим грубовато, но как-то беззлобно.

Берет салфетки, прижимает к ране, но промахивается, и темная кровь продолжает течь, капая на белоснежную рубашку.

Я достаю еще одну салфетку и делаю, как правильно. Он перестает озираться и вновь смотрит на меня, слегка озадаченно. Словно ему в голову не могло прийти, что кто-то настолько обнаглеет и осмелится его коснуться. Ему это очевидно не нравится, он... оторопел.

— Вот так, — приговариваю я, как делала мама, когда меня лечила. — Чуть-чуть потерпите. Позвольте вам помочь, вы большой молодец сегодня. Я думала... вы о скалы разобьетесь. — Когда это произношу, явно представляю себе тонущего малыша и не удерживаю слезу, которая крупной каплей сбегает до подбородка и падает вниз.

Максим приподнимает брови, отчего крови становится больше.

— Страшно было, — добавляю я, вдруг отмечая, что полицейские сирены звучат все громче.

Точно, вот что создает фон — кто-то вызвал полицию. Я в суматохе не обратила внимание.

— Спасибо, — бурчит Максим сухо, и мне вновь становится не по себе.

Неловкость усиливается тем, что он начинает расстегивать рубашку. Его замерзшие пальцы плохо слушаются. Зубы стучат.

Я чувствую смущение, находясь так близко. Взгляд падает на темные волоски на груди, на тонкую черную веревочку. Резко поднимаю глаза.

Максим слегка улыбается одним уголком рта. И вновь дрожит. Все это происходит очень быстро.

— Дальше я сам. — Он забирает салфетки. Продолжает добродушно-снисходительно, как-то неожиданно перейдя на «ты»: — А ты, малая, беги скорее. — Кивает наверх. — Полиция сейчас прибудет, не надо, чтобы тебя здесь видели. Чревато.

Я машинально прослеживаю взгляд и вижу Барби, гуськом бегущих вверх по лестнице к площадке, где остались микроавтобусы.

И тут до меня доходит.

Краска ударяет в лицо с такой силой, что глаза чуть не лопаются! От возмущения внутри что-то взрывается. Да что он себе позволяет! Да как он смеет!

Малая?!

Вспоминаю кожаный микрофон Валерия Константиновича и от злости прижимаю салфетку к ране так, чтобы побольнее было. Максим морщится, отстраняется, и я выдаю:

— Вообще-то я официантка. Трудоустроенная! — И выплевываю в лицо: — Это не стыдно!

Выплевываю натуральным образом — на лице Максима моя слюна. Его глаза сужаются, следом, к счастью, ему на плечи набрасывают полотенце.

— Бегу-бегу! — кричит рядом деловитый мужчина с чемоданчиком. — Кто тут истекает кровью? Сейчас залатаем нашего бесценного.

— Сань, я в порядке.

— Вижу. Чем она тебя? Тут минимум два шва. Это тебе, кстати, за то, что высмеивал мой экстренный чемоданчик. — Мужчина с любовью прижимает к себе аптечку. — А я с ним не расстаюсь. Особенно на попойках.

Воспользовавшись моментом, я отхожу подальше и скрещиваю на груди руки, молча наблюдая за кипишем. Полиция, гости, жених, пакистанец-цыган-Максим — все они обсуждают ситуацию, женщину, ребенка и семьсот рублей.

— Блядь, да кто-нибудь найдите ее и верните деньги! — восклицает Максим.

Кто-то притащил с яхты белый банный халат, в который он кутается.

— И мой пиджак, — усмехается Георгий Басов. — Так-то он штуку баксов стоит.

Взрыв смеха кажется скорее нервным, чем веселым. Абсолютно все стрессанули на полную. Нет ничего страшнее потери ребенка.

Я подхожу к своим и жду распоряжений. Как, ну как Максим мог решить, что я шлюха? Почему?!

— Гоу на яхту, переодевайтесь, — дает команду Стас. — Отплываем через полчаса.

— Вечеринка все же будет? — поражается Вероника. — После всего?

— А как же. Теперь-то уж точно нужно выпить и хорошенько расслабиться. Не вам. Вы на работе.

Глава 3

— Пап, не могу разговаривать, — шепчу я в трубку, забившись в угол просторной кухни.

Тут все шипит, скворчит, грохочет! Повара активно готовятся к предстоящему ужину, запахи витают безумные. Официанты накрывают столы, разносят напитки и убирают пустые стаканы. Мне, как младшей, досталась самая простая и грязная работа. В таком мыле весь вечер, что в туалет сходить некогда, а отец словно чувствует — названивает без остановки.

— Ты на вечеринке, что ли? — ругается. — Где и с кем? Валерий Константинович знает?

При одном упоминании этого имени бросает в пот. Перед глазами сразу картинка вялого, темного... пениса, к горлу подкатывает тошнота. Там у него... даже волос не было, чтобы хоть как-то прикрыть, и эта гадость, судя по всему, навсегда застряла в моих воспоминаниях. Ужасно. Просто отвратительно.

— Пап, это по работе. Тут съемка. В смысле вечерняя.

— Это как?

— На фоне заката.

Закрываю глаза и качаю головой. Мать всегда говорила, что я вру как дышу. Не ошиблась, видимо. Продолжаю:

— Здесь очень красиво. Потом меня до общежития довезут.

— Дома будешь, напиши. Я волнуюсь.

Как же сильно, до слез, хочется признаться, что меня вышвырнули! По контракту я должна еще несколько фотосессий и показов, но за это уже было уплачено. И, как говорится, давно до копеечки потрачено. А в новые проекты не приглашают. Я каждый день хожу на пробы, но, по ощущениям, меня занесли в черный список.

— Если бы не Валерий Константинович, душа бы за тебя изболелась. Дура ведь ты у меня дурой, простая, как три рубля. Одна там в столице. Объегорят, обмишулят, ты и не поймешь ничего! Мать, слышишь? Ничего она не поймет!

Сглатываю. Уже третью неделю я пытаюсь рассказать отцу о том, что случилось. И каждый раз зависаю, умирая от стыда!

Новость о моей модельной карьере папа воспринял скептически и поначалу строго запретил даже думать, как бы мы с мамой ни упрашивали. Но потом к нам приехал Валерий Константинович, и все изменилось. Они три дня вдвоем пили дорогую московскую водку и папин самогон, обсуждали политику, ковид, огород и масонов. Сошлись по всем пунктам. Папа и отпустил меня только благодаря полному доверию к Валерию Константиновичу.

Сказать, что меня уволили за психи, — стремно, нашей семье нужны деньги. А признаться, что почтенный Валерий Константинович — грузный мужчина с добрыми глазами — пихал мне под нос то самое свое место... уму непостижимо! Когда я об этом думаю, в горле застревает ком размером с дом и такое оцепенение сковывает, что ни вдохнуть, ни выдохнуть не могу, не то что звуки в слова сложить.

Папу я люблю, поэтому о том, что произошло, не расскажу никогда. Позор нам. Просто позорище.

— Мне правда пора, работы много.

— Дома будешь, отпишись! — повторяет папа.

— Конечно. Люблю, целую и очень, папуль, очень скучаю! — выпаливаю искренне.

— Иди уже.

— Маме и всем-всем приветы!

Убираю телефон в карман, вытираю глаза и спешу к стойке с напитками. По пути хватаю поднос.

Мне очень повезло, что Ирина, с которой мы готовились к показу новой коллекции питерского бренда, оказалась классной девчонкой. Она-то меня и познакомила с Владиком, он уже лет десять работает официантом и всех знает. Влад порекомендовал нас обеих Стасу, еще и обучил, что к чему. Ира мечтает покорить Нью-Йорк, но пока вместе со мной подрабатывает официанткой на выездных мероприятиях. Жаль, сегодня ее нет, я бы хотела обсудить случившееся.

Вдох-выдох. Спать хочется, с самого утра на ногах — перелет, потом семь часов ждали на вокзале автобус... Тяжело. Но пожаловаться некому.

Руки все еще немного дрожат после истории с малышом. Стараюсь изо всех сил, чтобы, не дай бог, не расплескать дорогие напитки, пока поднимаюсь на палубу.

Порыв ветра треплет выбившиеся из тугой прически пряди, я хватаю морской воздух ртом и пробую соль на языке. Громкая модная музыка играет на полную — диджей старается на верхней палубе, но никто не танцует.

Полиция и МЧС провожали нас на яхту и бдительно следили за отплытием. Глядя на унылые лица гостей, я с трудом борюсь с улыбкой. Не считая капитана, команды, поваров и обслуживающего персонала, на этом корабле — толпа печальных мужиков. И ни одной на них всех эскортницы.

Если бы могла, подбежала бы к мостику, схватилась за перила и смеялась, смеялась навстречу морю, небу и обалденной погоде!

Этим же... откровенно скучно. Во дают.

Я разношу напитки на верхней палубе. Мужчины разбились на небольшие группки, выпивают, обсуждают дела. За неимением прочих вариантов пытаются флиртовать с нами.

— Аня, за закусками сбегаешь? — просит бармен. — Ника ушла и пропала.

— Конечно. Минутку.

Перед тем как сбежать по лестнице вниз, бросаю взгляд на диваны, где шестеро играют в покер. Пакистанец переоделся в сухую одежду — льняной свободный костюм — и сейчас улыбается своим картам. Я отчего-то уверена: блефует. Такой не станет демонстративно радоваться прухе. Его бровь заклеена пластырем, область вокруг начала отекать и наливаться цветом. Я машинально подаюсь вперед, чтобы рассмотреть получше, в этот момент он резко поднимает глаза.

Внутри все замирает и... умирает от ужаса, но я, как привороженная, стою смирно и позволяю себя разглядывать. Руки немеют, их ощутимо колет. Он что там, блин, колдует, цыган этот?

Максим чуть склоняет голову набок, а я наконец делаю вдох. Запыхавшись, взмахиваю руками. Гордо разворачиваюсь и сломя голову лечу к лестнице.

Он, конечно, герой, это бесспорно, но... человек властный, а власть — развращает. Он даже не расстроился, что утопил телефон, ему... все равно. Другой купит. И полагаю, не в кредит.

На моем же садится батарея, а на зарядку поставить некуда.

***

Пока расставляю на подносе вазочки со снеками, гадаю, смотрел ли Максим мне вслед. И если да — то зачем? Между лопатками горит. Я бы с удовольствием осталась в трюме, но работа есть работа — беру себя в руки и возвращаюсь обратно.

Больше просто не буду смотреть в его сторону. Неловкая ситуация получилась: он принял меня за эскортницу, я нагрубила. В общем, один — один, мы вроде как квиты.

Чтобы добраться до цели, нужно миновать один темный неширокий коридор. Наша каморка для персонала в одну сторону, лестница — в другую.

Сжимаю поднос с чипсами, орешками и оливками и спешу к выходу, но в самой узкой части резко останавливаюсь, чтобы не врезаться в идущего навстречу высокого мужчину.

Он же почему-то прет как танк прямо на меня. Пьяный?

Испугавшись, прижимаюсь к стене, чтобы пропустить его, но он будто специально задевает поднос, который я стараюсь удержать. Тщетно! Стаканы опрокидываются, снеки валятся на пол.

— Извините, пожалуйста! — бормочу, стараясь скрыть недовольство. — Проходите, я все уберу.

— Это вы извините, не заметил вас в тени, задумался. Я помогу.

К удивлению, осознаю, что это гость. Что он делает в этой части яхты? Пожимаю плечами и приседаю, сгребая снеки на поднос.

Мужчина тоже приседает.

— Я все уберу, вы что. Вы не обязаны, — тараторю.

— Осторожно, малышка, — улыбается он и кладет руки на мою талию.

Вроде как чтобы удержать, хотя я не падала.

— Все в порядке, — быстро отвечаю, отстраняясь.

Казалось бы, все хорошо, он действительно помогает, но на душе как-то некомфортно. Кожей чувствую, что-то не так. Все это время мужчина едва заметно касается меня, то руки, то ноги, отчего я начинаю нервничать.

Сглатываю.

— Такая сложная работа для такой юной крошки, — произносит он как будто по-доброму. Мило улыбается.

Довольно молодой мужчина, подтянутый, вроде бы... веселый.

— Я справляюсь, спасибо.

— Слышал, что вам разрешают отдыхать, если гости настаивают. Подходите ко мне, я буду рад поболтать. Угощу шампанским. Вы такое не пили, наверное, никогда. Обалденное.

— Спасибо большое. Но нам и правда нельзя.

Сдуваю выбившуюся прядь с лица. Он смотрит на мои брекеты, и я перестаю улыбаться.

— Да бросьте.

— Нет, серьезно.

— Меня зовут Лев Васильевич. Можно просто Лёва.

— Очень приятно.

Собрав все крупное, я быстро поднимаюсь. Он снова меня поддерживает без необходимости.

— А вас? А-ня, — отвечает на свой же вопрос, прочитав на бейдже. — Аня, Анечка, Анюта. Какое нежное имя.

— Надо идти, наверху ждут снеки.

— Мое предложение в силе.

— Спасибо.

В этот момент, слава богу, дверь открывается и по коридору торопливо идет Вероника. Я устремляюсь за ней.

— Анечка!

Оборачиваюсь.

— А принеси-ка мне салат.

— Ужин будет через час.

— Я голоден. С морепродуктами.

— Конечно.

— Я буду в своей каюте.

Округляю глаза и киваю.

Мужчина вновь окликает:

— Аня! — И, когда я оглядываюсь, добавляет: — Номер семь.

Глава 4

Какой длинный вечер, а еще ночь впереди.

К семи часам только начало темнеть, а я уже вся издергалась! Лев Васильевич вроде бы хороший, добрый человек, и, наверное, я поступила некрасиво, наябедничав Стасу, — босс отнес салат лично. Мне показалось, так будет правильно. Идти к кому-то в каюту... неприлично, что ли?

Лев Васильевич, видимо, другого мнения. Он почему-то обиделся.

Как ни подниму глаза — палит. А еще открывает рот, чтобы сказать что-то, будто подозвать к себе собирается, но я отворачиваюсь и активно занимаюсь работой. В чем-чем, а в ней недостатка нет.

Внимание становится навязчивым. На яхте много мужчин, но всем им до официанток нет никакого дела, мы — тени, обслуживающий персонал. Этот же Лев Васильевич... он какой-то другой. И чем больше времени проходит, тем острее я это чувствую.

К Веронике тоже подкатывает, да и к Маше, и к Кате. Ко всем девчонкам. Парням демонстративно грубит. Такое отношение неприятно, ведь в ответ можно только молчать и улыбаться - он гость.

Остальные участники мальчишника активно спорят, много пьют и хохочут. Темы для обсуждения выбирают странные: в данный момент выясняют, было ли в действительности монгольское нашествие на Русь или же историки его придумали. Я поначалу обалдела — было, конечно. Но мужчины такие аргументы выдвигают, что, меняя грязные тарелки на чистые, невольно заслушиваюсь.

Максим и Георгий оказались в команде, которая должна доказать, что не было. Поймав азарт, толкают речи, перебивая друг друга. Я впервые вижу, как Максим смеется, еще недавно поверить не могла, что он умеет такое.

Рассказывает он четко и складно, будто на судебном заседании выступает в каком-нибудь сериале. Та-ак интересно! Стас сказал, что будут бизнесмены, но, кажется, слукавил. Они все тут или историки, или юристы какие-нибудь, легко оперируют фактами, датами и книгами, о которых я даже не слышала.

То едва сдерживаю смех, то мысленно проговариваю фразы несколько раз, чтобы запомнить.

Ложная аналогия. *Это ложная аналогия, вы не правы*. Кровожадная крыса. *Ты офигеешь, какой кровожадной крысой я становлюсь, если дело касается победы в споре.*

За столом царит крайне интеллектуальная атмосфера — интересно, можно ли ею напитаться?

— Аня, Анечка, подойди, детка! — кричит Лев Васильевич, разрушая все.

Мгновенно вспыхиваю! Убийственно фамильярное обращение, да еще и при всех, словно я личная служанка.

Втягиваю голову в плечи и нервно перевожу глаза на Максима, которому как раз меняла тарелки. Он отрывается от общения с другом и смотрит на меня, на Льва Васильевича. Слегка прищуривается.

— Аню-ютка! Рыбка моя, плыви сюда, — продолжает звать Лев Васильевич громче.

Будто кипятком ошпаривает. К Максиму, бесспорно, никто в мире не посмеет обратиться столь уничижительно, и я вдруг осознаю, какая между нами непреодолимая пропасть.

Впервые в жизни мне стыдно быть собой, рыжей Аней из Упоровки, сжимающей грязные тарелки, и хочется стать кем-то важным, значительным.

Чуть позже я пойму, что именно в этот вечер зародились мои амбиции. Пустили корни в довольно сомнительной, но весьма питательной почве — остром желании соответствовать

мужчине, который умно шутил и относился с добротой. Который несмотря ни на что... произвел впечатление.

Отзываться под его взглядом на детку-Анютку — стало сущим кошмаром.

— Минуту, — улыбаюсь я, почувствовав себя уязвимой.

Хаотично собираю салфетки, торопясь отойти от Максима подальше. Он ведь все слышит, каждое слово.

Щеки горят.

А еще от него приятно пахнет туалетной водой, и я от этого смущаюсь. Засуетившись, случайно толкаю стакан, но Максим ловит, не дав упасть. Вода, увы, расплескивается на его ладонь, мочит манжету. Я тут же кидаюсь вытирать, наклонившись, отчего запаха становится больше. Максим жестом останавливает и спокойно вытирается сам, будто ничего не случилось.

— Извините, — шепчу, похолодев. — Извините, пожалуйста.

— Вода сегодня мой бич, — отвечает он просто и вежливо. — Каплей больше, каплей меньше. Спасибо за помощь.

Вдох-выдох. Он пошутил со мной?

Продолжаю дышать часто и нервно, пока отношу тарелки и, словно на гильотину, возвращаюсь ко Льву Васильевичу.

— Чем я могу вам помочь?

— Ну наконец-то, Анют.

Морщусь. Ну сколько можно?

— Аня. Меня зовут просто Аня.

Смеется и просит у «просто Ани» зубочистки и сок — киваю, исполняю. Потом он хочет заменить стакан и вилки. Делаю. Следом ноет, что блюдо остыло, просит подогреть, а когда приношу — отвечает, что передумал есть.

Тут уж меня взрывает!

— Ну и зря, — не выдерживаю. — Рыба обалденная. Вы поковырялись и бросили, теперь придется выкидывать, а так бы кто-то мог съесть.

Голоса вокруг замолкают.

— Ты, что ли, на нее потратилась, Анечка?

— Нет, но я не люблю, когда переводят хорошие продукты!

Лев Васильевич хмурится. Басов, сидящий неподалеку, громко ржет. Я же чувствую на себе взгляды и поспешно добавляю:

— Извините!

Разворачиваюсь и отношу в кухню эту чудесную радужную форель, которая пахнет богически.

— Анечка! — окликает Лев Васильевич.

Да господи!

Раздраженно оборачиваюсь, в этот момент кто-то кричит:

— А к нам гости пожаловали!

— Наконец-то! — подскакивает Георгий и кидается к мостику.

Остальные — за ним.

И действительно, к яхте быстро приближается большой катер, уже через пять минут происходит стыковка и на борт поднимаются девушки. Много! Красивые, веселые. Они так громко смеются, что я делаю вывод: немного пьяны. О боже, только не это.

Что может еще больше испортить этот вечер, если не разврат? Сердце в пятки уходит.

Самой первой идет яркая блондинка. Георгий тут же хватает ее на руки и кружит-кружит, после чего они... прямо у всех на глазах долго и нежно целуются. Я поначалу холодею от ужаса — он же жених! И казался приятным парнем...

Через удар сердца догадываюсь: так это его невеста!

Настроение сразу летит вверх! Они обнимаются, смеются. А я, преисполненная счастьем и со спокойной душой, вприпрыжку возвращаюсь к работе.

***

С появлением девушек атмосфера резко меняется. Диджей ставит попсу и медленные песни, мы не успеваем откупоривать бутылки с шампанским. Невеста... эм, приплыла не одна, а с компанией подруг.

Чуть позже к яхте пристает еще один катер, на этот раз с танцовщицами. Тут-то и начинается жара! Девушки эффектно двигаются, воспламеняя воздух сексуальностью, но не раздеваясь. Кто хочет — участвует в компрометирующих, на грани аморальности, конкурсах. Смех и танцы не прекращаются до поздней ночи.

Да. Без женщин жизнь была бы скучна и однообразна, и этот мальчишник — тому прямое доказательство.

Жених с невестой — безумно красивая и влюбленная пара. Он так нежно на нее смотрит, что у меня внутри все трепещет. Искренне желаю им много счастья.

Лев Васильевич в общей суматохе переключается на других, менее занятых девушек, а я ноги стираю до крови в рабочих лодочках, пока ношусь туда-обратно: гостей прибавилось, а вместе с ними и работы.

Но теперь время летит намного быстрее — мне даже почти весело быть частью этого шикарного праздника.

Танцовщицы, закончив очередной танец, расходятся отдохнуть и промочить горло.

И только одна из них, на мой взгляд, самая красивая брюнетка, направляется не к бару, а к перилам. У которых... стоит Максим в одиночестве.

Глава 5

Лёва

На телефон падает короткое сообщение: «?» Только вопросительный знак, а сколько в нем смысла.

Лёва тушит окурок в пепельнице, гасит экран мобилы и пытается успокоить нервы, которых с каждым днем в его бедном организме становится все меньше. Делает глоток дорогущего виски, держит на языке — впитывает витамины, чтобы хоть как-то восстановиться.

Время работает против них с Ростиславом Анатольевичем, возможности тают, как случайный снег в сентябре. Им и так повезло, что выборы в этом году перенесли на месяц из-за пожаров. Слава тебе господи, леса горели отменно. Жаль, что их так быстро потушили.

И тем не менее выборы состоятся. Пупыш уходит на пенсию, и его место должен занять Убейволк, а не Одинцов. Иначе такой виски им будет лишь сниться.

Ростислав Анатольевич и Лёва ждали слишком долго, Одинцов же появился в позапрошлом году и так быстро поднялся, что явно — нечестным путем. Сам факт обмана Лёву не беспокоит, бесит другое: как Одинцов мутит дела? Ну как?!

Ходят слухи, что в его жилах плещется отравленная цыганская кровь. Тридцать лет назад его мамаша-ведьма сбежала с любовником. Для цыганки измена — смертный грех, табор не простил и навеки проклял.

И правда, есть в Одинцове такое что-то... неправильное. Взять хотя бы странные татуировки. Жуть! Лёва не верит в сглаз и прочую лабуду, но крестик на всякий случай купил.

Проверяет периодически — на месте. Оглядывается.

На этой яхте все — тошнотворно дорого. Обычно Лёва так богато не ест и не пьет, а тут бар бесплатный. С другой стороны, о деле забывать тоже нельзя, поэтому количество виски строго ограничено.

«??» — снова приходит от Ростислава Анатольевича.

День сегодня — просто пиздец. Поначалу все шло по графику, Лёва из кожи вон вылез трижды, чтобы попасть на этот сраный мальчишник Басова и его тупой телки-парикмахерши. Проплатил элитным эскортницам, есть у него знакомые девочки в сфере. Скандал должен был быть скандалищем! От предвкушения поджилки тряслись!

Но потом эта мамаша с пацаном в воде. И надо было Одинцову кинуться ее вытаскивать! Когда тот вышел на берег с рожей в крови, Лёва перепугался до смерти: Одинцова увезут в больницу штопать, поездка сорвется, а другой возможности оказаться в одной компании не появится. Цыган не ходит по клубам.

Дальше еще хлеще! Менты нарисовались. Пришлось срочно избавляться от нанятых девочек, а еще париться, как бы не начался шмон. Лёва упаковал возбудитель в капсулы для диабетиков, но мало ли что. Опасно. Во время обыска могли же и собак подключить. Если бы нашли запрещенку, он бы сел лет на десять.

К счастью, все благополучно попали на борт и капсулы ждали своего часа в кармане. Лёва время от времени проверяет их наличие — страшно потерять.

Оказавшись на яхте без шлюх, он сразу начал думать, что делать. Другой бы на его месте растерялся и просто плыл по течению, но Лёва не зря занимает свое место, он парень находчивый.

Перебрал официанток, пробил информацию, но увы, ни одна не подходила. Тут нужно пойти на скандал и заявить прессе об изнасиловании, а до этого трахнуться. Не получалось. У всех семьи, дети, учеба. Ни у одной, увы, не оказалось умирающего родственника и потребности в быстрых деньгах.

Рыжую Лёва решил оставить для себя, уж больно хороша малышка. Краснеющая скромница с веснушками и такими длинными ногами, какие иметь неприлично. Столь аппетитных крошек у него не было. Лёва как увидел ее — голову потерял, почти влюбился. Что-то подсказывало, что она вполне могла оказаться девственницей. Жениться бы... конечно, он не стал, но разложил бы ее с радостью.

Чем дольше он на нее смотрел, тем сильнее она его волновала. Вот только сучка ни в какую не шла на контакт. Ей бы радоваться, что гость яхты обратил внимание! Она же демонстративно игнорировала, грубила.

Лёва разозлился! Хотел накатать жалобу, лишить зарплаты, уволить, но потом вдруг придумал новый план.

Ночи на юге темные, гости пьяные, а возбудителя в кармане достаточно и на Одинцова, и на мелкую рыжулю. В конце концов, разве Лёва не заслужил немного радости? Утром она ничего и не вспомнит. Для очистки совести Лёва кинет ей денег.

Возбудитель — виагра нового поколения - ужасно редкий и оттого дорогой, достать его было подвигом.

Убойно действует и эффект имеет уникальный: одна голова в облаках и кайф неописуемый, вторая, поменьше, — рвется в атаку. Единственная побочка - воспоминания остаются отрывочными, но это даже в плюс.

Лёва три часа висел на телефоне, но нашел два катера: на одном прибыла невеста с подругами, на другом — эскортницы, замаскированные под танцовщиц гоу-гоу. Алиби у Лёвы отличное: он хотел как лучше. Кто ж знал, что Одинцов напьется и полезет к одной из девочек?

А вот и прекрасная нимфа Регина.

Она и правда идеальна во всем. Фигура, ноги, грудь... как взглянет сквозь ресницы — кровь кипит. Даже проклятая — должна отозваться.

Регина сделает все в лучшем виде, она известная по московским меркам танцовщица, ведет популярный блог, продает уроки танцев и бабью магию. О ее тайной жизни в эскорте никто не в курсе. Будет рыдать на миллионную аудиторию — скандал разразится на всю страну!

Регина проходит мимо Лёвы, делая вид, что не знает его, и направляется прямиком к Одинцову.

Анечка тоже пробегает мимо, но на Лёву не смотрит. Ишь какая! Останавливается у барной стойки, быстро разувается. Смотрит на ступню, цокает языком. Красивые у нее пальчики, аккуратные. Она поправляет пластырь, а потом замирает.

Там Одинцов с Региной. Она смотрит на них, смотрит... и грустнеет.

Лёву же начинает ощутимо потряхивать.

Если до этого момента совесть иногда кусала, — крест на карьере у мужика, стремное пятно, еще и срок возможен, — теперь ее ветром сдуло.

Лёва в очередной раз проверяет виагру — на месте. Еще чуть-чуть, и народ начнет расходиться, тут-то он и двинет тост, да такой, что Одинцову придется выпить. До дна.

А потом Лёва займется рыженькой, уж больно хороша девка. Адски притягательна. Да и Одинцов на нее поглядывает, даже вот сейчас смотрит, а это... как ни крути, рождает дух соперничества.

Лёва достает мобильник, печатает боссу: «Четко по плану идем».

Кивает своим мыслям и идет готовиться.

Глава 6

Аня

Танцовщица как бы случайно останавливается рядом с Максимом, опирается на перила и, чуть прогнувшись в спине, смотрит на огни далекого берега. Что ж. Эффектно.

От досады закатываю глаза и пытаюсь отвернуться. Да куда там! Как чертовым магнитом тянет смотреть, любопытство в тысячу раз сильнее.

Ее движения отточенные и плавные, и я вдруг понимаю, что имел в виду Пушкин, когда описывал свою Царевну Лебедь, если предположить, что ее сравнение с птицей — метафора. Не идет, а плывет!

Моя любимая настольная книга детства, а главная героиня в ней — другая. Чувствую себя деревянным буратино. Втискиваю ноги в ставшие тугими туфли, беру поднос с шампанским.

Максим слегка улыбается, когда брюнетка о чем-то спрашивает. Точно так же, лениво и как бы нехотя, он чуть раньше улыбался мне. Роняет пару слов. Она взрывается смехом, что-то активно рассказывает, жестикулируя.

На ней костюм — узкий топ и короткие шорты, тело пышет жаром после танца и сверкает блестками, волосы длинные, до задницы.

Максим чуть выгибает бровь, слушая треп, его взгляд мимолетно, но все же оценивает спортивную фигуру, девица при этом чуть выставляет ногу вперед, как нас учили на показе одежды. А у меня сосет под ложечкой! И вообще испытываю что-то странное! Глубокую неудовлетворенность собой? Что ж так невыносимо-то?

Когда приношу шампанское, они даже не смотрят в мою сторону. Максим зависает в телефоне, а девица берет бокал и эффектно кладет свободную руку на его плечо, прямо туда, где татуировка.

Ошарашивает понимание — эту ночь они проведут вместе. Никаких сомнений нет, уж очень круто вдвоем смотрятся. И должно быть, это нормально.

Досада ощущается все явственнее, но печалиться некогда. Да и этот грубый мужик мне никто. Я его даже не знаю! Вероятно, у него скверный характер и какое-то темное прошлое. Носит же он обереги на руках и шее, неспроста, будем думать.

Отругав себя за глупости, спешу с подносом наверх — собирать грязную посуду.

— Какая она хорошенькая, ну правда же? — восклицает невеста, когда я вытираю со стола.

— Спасибо, — смущаюсь.

Подружки тут же поддакивают, а я вновь краснею от столь внезапного и пристального внимания.

— Лицо знакомое, мы раньше не встречались? — спрашивает еще одна девушка.

Пожимаю плечами.

Они пьяные, веселые, смелые и раскованные, но не злые — шутят и относятся по-доброму. Невеста вновь восхищается моими ногами и талией, а потом вдруг вручает две купюры по пять тысяч. Просто так! Я пытаюсь отказаться, но она вкладывает их в ладонь и мило улыбается:

— На эти деньги сделай фотосессию, а фотки выложи в сеть. Я уверена, для тебя найдется работа получше. Ты очень красивая девушка.

— Вы видели ее губы и нос? Интересно, это от природы? — слышится громкий шепот, когда я отхожу.

Они пытаются обсудить меня за спиной, но слишком пьяны, чтобы сделать это шито-крыто.

Оборачиваюсь и хохочу! Шутливо грожу пальцем. Невеста зажимает подруге рот и извиняется.

— Вряд ли у нее есть деньги на пластического хирурга, который бы сделал настолько естественно, — шепчет другая.

Качаю головой — смешные они. Я немного тоскую по своим подружкам.

Еще через пару часов Стас дает получасовой перерыв и отпускает освежиться. Наскоро перекусив, я сперва собираюсь полежать в каюте, но затем думаю: когда еще девчонке из Упоровки повезет плыть на такой красивой яхте ночью по Черному морю?

Может, это первый и последний раз в моей жизни!

Снимаю фартук, накидываю толстовку и спускаюсь на нижнюю палубу, где никого нет. Все гости в той части судна, где теплее.

Разуваюсь. Пол холодный, но раскаленным многочасовой работой ступням будто этого и надо. Я морщусь и едва не постанываю от болезненного удовольствия.

Как же хорошо, почти тихо.

И красиво, несомненно. Очень красиво. В кармане лежат десять тысяч невесты. Девушка умная, яркая, выходит замуж за богатого молодого человека. По любви. Она приехала на его мальчишник, а он даже не разозлился. Бывает же такое.

Почему-то ее небрежная похвала произвела впечатление. Мне стоит не спешить в деревню, а попытаться еще. Возможно, одноразовая реклама туши не мой потолок? Я хочу работать, хочу стать той, на кого смотрят с восхищением. Очень хочу.

Поток мыслей перебивает мужской голос, и я понимаю, что не одна внизу спряталась.

— Да, Лисён, конечно могу говорить, раз позвонил.

Короткий смешок. Знакомые интонации. Уже знакомые. Я напрягаюсь и обращаюсь в слух.

— Уснешь тут. Ты слышишь музыку?..

Максим идет по палубе с другой стороны и не видит меня.

— Да, я подал заявку, чтобы симку восстановили, телефон куплю, как на берег выйду... Какой ремонт, он в соленой воде минут десять плавал. Ну?.. Я в норме... Лис... — В голосе проскальзывает мимолетный оттенок раздражения: — Олеся, ты меня послушай, а не Жору с Машей. И перестань истерить, окей? Я тебе уже звонить боюсь… Ага, запугала... Поступил так, как посчитал нужным. При чем здесь ты и то, сколько я о тебе думаю?

Я округляю глаза, жадно ловя каждое слово. Он говорит... со своей девушкой? Женой?

У него есть кто-то... Ого! Ну конечно же есть! Максим взрослый, успешный, ему нужно заниматься сексом. Часто. Наверное. Интересно, почему ее нет здесь, на яхте?

— Завтра позвоню, когда куплю телефон... Да, взаимно, спокойной ночи.

Наступает тишина, изредка разрываемая смехом, криками и аккордами сверху. Я замираю, не дышу. Между нами четыре метра, и надеюсь, Максим меня попросту не заметил.

Так и стоим молча пару минут. Я смотрю вдаль. Ноги мерзнут, но обуться страшно — для этого нужно отмереть и пошевелиться, а значит, привлечь внимание.

В какой-то момент мне кажется, что Максим ушел, и я осторожно оборачиваюсь — нет, стоит, смотрит за борт, о чем-то глубоко задумавшись.

Я собираю в кулак всю выдержку, но, когда начинают стучать зубы, все же обуваюсь. Максим меня замечает, я улыбаюсь и, вежливо кивнув, поспешно перевожу глаза на море, не мешая его уединению.

Три удара сердца ничего не происходит, потом Максим подходит и спрашивает:

— Есть лишняя сигарета?

Глава 7

— Нет, не курю. — И выдрессированно добавляю: — Извините.

Максим усмехается:

— За что извиняешься? Это же хорошо. Я тоже давно бросил, но иногда тянет.

— Иногда — это после спасения людей?

Едва заметно приподнимает брови.

— Чаще.

Я так жадно вглядываюсь в черную воду, что еще немного, и начну видеть останки древних кораблей на дне. Напрягаюсь всем телом от его близости. Уйти бы немедленно, мало ли что ожидать можно. Скинет за борт, и скажут потом: «Официанточка с ума сошла».

Но остаюсь на месте и продолжаю:

— Переживаете, да? Все веселятся, но вам не до смеха. Вы даже практически трезвый, хотя бар бесплатный. Абсолютно. Там даже «Хеннесси ХО» есть.

Максим снова чуть улыбается:

— Да, бесплатный, верно. Извини, малая, что обидел днем. Я был на стрессе и не разобрался, что к чему.

Вся кровь, что есть в моем теле, устремляется к лицу. Сердце так дико колотится под ребрами, что я едва за него не хватаюсь. Голова кружится. Наверное, у меня прямо сейчас происходит какой-нибудь инфаркт.

Подгибаю пальцы ног — мозоли дают о себе знать, я чувствую боль и прихожу в себя.

— Вы спасли двух человек. Женщину и ребенка. Даже если бы вы меня послали на три буквы и влепили пощечину, я бы не обиделась.

Максим издает короткий смешок и качает головой:

— Это точно было бы лишним.

— Да, вы правы. — Прикусываю язык.

Наши глаза встречаются, я улыбаюсь и вновь смотрю на море. Какой сегодня удивительный день, столько интересных людей вокруг и нового опыта.

— У тебя все в порядке? — нарушает молчание Максим.

— Д-да, у меня перерыв. — Бросаю взгляд на часы: — Еще пять минут. Я спустилась отдохнуть перед финальной уборкой. Немного устала, если честно.

— Я обратил внимание, что ты усердно трудишься.

— Спасибо.

Он молчит, смотрит на прибрежные огни, потом на усыпанное звездами небо. Я догадываюсь, что его откатило. Если у папы был сильный стресс, — например, когда волки подошли к нашей деревне и напали на корову, а еще до этого хулиганы побили его учеников, — он пил и долго восстанавливался.

Максиму невесело, он, вероятно, прокручивает в голове спасение двух человек и проживает его снова и снова.

— Вам было страшно? — спрашиваю. — Мне бы точно было.

— Я занимался плаванием, был уверен, что все получится.

— Ну да, ну да, — качаю головой. — Рассказывайте.

— Что?

— Вы такой крутой, что ежедневно прыгаете со скалы головой вниз прямо в ботинках! Притворюсь, что поверила.

— Уж сделай одолжение.

— Чисто из уважения к тому, что вы гость, а я на зарплате.

— Будь так добра.

Мы переглядываемся, я понимаю, что он прикалывается надо мной, и смеюсь. Потом мы смотрим вдаль и одновременно улыбаемся. Все очень хорошо и замечательно, эта минута такая крутая, что... вот буквально одна из лучших в моей жизни!

Максим оборачивается, доходит до лавки, берет плед и накидывает мне на плечи.

В груди тепло-тепло становится! Намного жарче, чем плечам, которые теперь греет шерстяная ткань.

— Спасибо.

— Не за что.

Интересно, какая она — его девушка? Наверное, особенная во всем. Я понятия не имею, кто она, но почему-то очень за нее обидно, если Максим изменит ей с танцовщицей этой ночью. При этом осознаю, что, если вдруг меня спросят — я ни за что его не сдам. Из-за пледа, шуток и всего вместе.

— Как вам праздник?

— Хороший.

— А танцовщицы? Обалденно красивые, да?

Максим мимолетно хмурится и отвечает довольно скучающим тоном:

— Полуголые девицы хороши, как и все полуголые девицы. Других танцовщиц гоу-гоу в своей жизни я еще не видел.

Беседа явно перестала его развлекать. Я понимаю, что нащупала предел, больше нам говорить не о чем.

— Но вас они не впечатляют?

— Мне же не шестнадцать.

Спросить хочется много. И про его девушку, которая, очевидно, не в восторге, что Максим сиганул со скалы в бушующее море. И как прошло спасение. И что он думает о Льве, танцовщицах, празднике, монгольском иге. О чем угодно!

Но я молчу, потому что никак не могу собрать слова в умное предложение, а тупить перед ним стыдно. Он извинился, и этот факт выбил почву из-под ног. Передо мной еще никогда никто из взрослых не извинялся.

— Я схватил ее за волосы, — произносит Максим, не глядя в мою сторону. Я обращаюсь в слух. — Она поэтому меня поцарапала, из-за охрененной боли. Она паниковала, лезла сверху и душила, не реагировала ни на просьбы, ни на мат. Я перестал видеть голову ребенка. Дернул ее за волосы вверх, чтобы вдохнула побольше, и отбросил к берегу, сколько было сил. Только после этого смог выловить мальчика. Ей было ужасно больно, но иначе мы бы утонули втроем. Думаю, у нее еще долго будет болеть голова.

Мурашки бегут по телу. Я хотела откровенности, но не была готова к ней. Застываю от ужаса, явственно представляя весь кошмар ситуации.

Ледяное море, соль во рту и в глазах, сильные волны, паникующая мать, ребенок, который уже уходит под воду... Я делаю громкий вдох, парализованная воображением. Зябко тру предплечья.

Максим улыбается и меняет тему:

— Пошли наверх, холодно.

— Да, мне уже пора. — Иду первой.

— Аня.

Оборачиваюсь, удивляясь, что он запомнил мое имя.

— Сегодня не ходи больше одна. Даже если по работе будут заставлять. Уберешься, и в каюту до утра.

Внутри взрывается миллион вопросов, которые тают на языке. Я сглатываю и киваю.

Мы вместе поднимаемся на верхнюю палубу, где работают обогреватели и намного теплее.

— А вот и ты! Макс, да твою мать, я обыскался! — кричит жених. — Мы тосты двигаем, свадьбу репетируем, а свидетеля нет!

— Ему Олеся позвонила, я же сказала, — подхватывает невеста. — Я бы на ее месте уже на вертолете сюда вылетела, после случившегося.

— Всё, давайте уже последний тост и отдыхать! Я пиздец устал. Кто у нас остался? — оглядывает гостей Георгий.

Они бурно радуются Максиму, меня никто не замечает, но это и к лучшему: и без того много внимания.

У всех , кроме Максима, в руках стаканы с напитками. Срываюсь с места и спешу к бару, но когда возвращаюсь с виски, — а он пьет именно виски, — Максим уже держит напиток. Кто-то меня опередил?

Лев Васильевич стоит неподалеку с микрофоном и рассказывает тост. Долго рассказывает. Какую-то притчу, на которую к четырем утра ни у кого нет сил. Поначалу слушают с улыбкой, затем лица становятся кислыми.

Гости перекладывают бокалы из руки в руку, мы с девочками переминаемся с ноги на ногу. Спать! Так сильно хочется спать! Они сейчас уйдут, а нам еще мыть и чистить. Ну же, скорее!

— …Поэтому за молодых до дна! — наконец кричит Лев Васильевич и пьет.

Все с радостью следуют его примеру. Максим тоже осушает свой стакан до дна. Музыку выключают, и народ начинает расходиться по каютам, а мы принимаемся за уборку.

Краем глаза я замечаю, что рядом с Максимом идет та самая эффектная танцовщица, смеется, касается его руки.

Нда.

Поджимаю губы. Ну вот, а говорил, что все танцовщицы одинаково красивы и ему по фигу.

Значит, не одинаково. Или не по фигу. Сегодня он спас двух человек, у него откат. Мой отец пил, но он алкоголик. Максим хочет других радостей. Ну и пусть. Заслужил, наверное.

Я остервенело оттираю стол, когда слышу, как меня окликают:

— Аня! Анют, подойди.

Даже голову поднимать необязательно, чтобы понять кто. За вечер я запомнила и голос, и интонации. Передергивает.

Лев Васильевич о чем-то говорил с женихом, но прервался, чтобы меня подозвать.

Вопросительно смотрю. Глаза слипаются, приходится постараться, чтобы не нагрубить.

— Шампанское, — произносит он. — Принеси бутылочку, зайчик.

Ар-р-р. Слушаюсь. Но едва собираюсь вернуться к работе, Лев пихает бокал под нос.

— Выпей с нами, Анют.

— Спасибо, я не пью.

— Жора, разреши девушке выпить, — улыбается Лев Васильевич. — Она весь день носится, как та белка из мультика.

— Я правда не пью алкоголь совсем. И я на работе...

— Можно, — пьяно и добродушно улыбается жених. — Бокальчик еще никому не повредил, а вы и правда молодцы сегодня. Накину всем премию за праздник, отработали как надо.

— Очень приятно, я передам Стасу. То есть Станиславу Олеговичу.

Лев Васильевич вручает бокал, я нерешительно замираю, но Жора одобрительно качает головой. Мы втроем чокаемся.

— Не волнуйся ты так, всё в порядке, — отмахивается Жора. — Молодцы! Все! — кричит. — Все молодцы! А я уже едва стою. Бля... — Он действительно чуть не падает, вовремя опирается о перила. — Простите, поползу-ка я к своей Мари спать. Завтрак не раньше десяти.

Киваю.

Мужчины выпивают шампанское залпом, я же делаю пару глотков. Пузырьки приятно лопаются на языке.

Георгий уходит, а я... глубоко вздыхаю. Долгий такой день, стресс, да не один. Делаю еще глоточек, потом еще один. Ударяет в нос, и я морщусь.

Лева Васильевич смеется:

— Пей, вкуснятина моя.

— Что?

— До дна. За Жору и Машу.

— Больше не хочу, спасибо. Ладно, последний.

Делаю еще глоток, смакую на языке. Лев придерживает бокал, заставляя выпить больше.

— До дна. Давай-давай.

С трудом отстраняюсь.

— Иначе придется выливать. Кто мне сказал, что переводить продукты вредно?

— Спасибо. Я... куплю, если нужно.

В этот момент бокал из рук буквально вырывают. Я впадаю в панику, думая, что это Стас и мне капец!

Но передо мной вовсе не Стас, а цыган-пакистанец. Выглядит он правда... как-то не так. Ненормально. Или у меня от усталости голова кружится? Ох! Хватаюсь за ближайший столик.

— Ты чего не спишь? — бросает Лев.

— Не знаю. Пиздец. Дурно стало, пить захотел, а воды нет в каюте. Не против? — бросает мне.

Не успеваю кивнуть, как Максим осушает мой бокал.

— Морская болезнь? — язвит Лев. — Бывает.

— Возможно. Странно, я всю юность в спортшколе по плаванию...

— Ну уже не юность, Макс.

— Наверное.

Он чуть покачивается и смотрит на меня, глаза его при этом еще сильнее темнеют... Или это зрачки расширяются? Морозец пробегает по коже. Максим какой-то жуткий. Дикий на вид. Интуиция трубит спасаться. Волоски дыбом поднимаются. Но алкоголь, видимо, уже успел всосаться в кровь, колени слабеют.

Через вдох кидает в жар, да так, что, стыдно признаться, подмышки обильно потеют прямо при мужчинах.

Пересыхает в горле. Я остро жалею, что мой бокал пуст. Пить хочется невыносимо!

— Пошли провожу. — Максим бесцеремонно приобнимает за плечи.

Он другой. Другой!

Будто не этот мужчина полчаса назад бережно накинул на меня плед и галантно извинялся. Все его воспитание морским ветром сдуло!

— Вообще-то мы с девушкой общаемся. — В голосе Льва проскальзывает металл.

Он вклинивается между нами. Охмелевший мозг выдает страшную идею, что Лев пытался меня напоить. От паники я всем телом льну к Максиму, тот как-то резко вздыхает в ответ.

— Тебя никто не звал сюда, Одинцов, — рычит Лев. — Бери свою воду в баре и проваливай.

— Иди на хуй, — выдает Максим.

Обнимает крепче и ведет к лестнице под аккомпанемент моего колотящегося сердца.

Глава 8

Яхта качается... Или качаюсь я?

Перила лестницы. Хватаюсь за них, падаю! У-ух! Голова кругом.

Максим резко оборачивается и приобнимает за талию, помогая удержаться.

— Нормально?

Наши глаза встречаются, и я обжигаюсь. Смотрела глазами, а больно в груди. Быстро опускаю свои. У него руки красивые — крепкие. Рукава закатаны, видны вены. Ладони широкие. Он сжимает меня прямо сейчас. Сглатываю.

— Осторожнее, Аня, — говорит тише. Отворачивается.

Пульс бах-бах-бах.

Максим спускается первым, я осторожно держусь за перила и за его плечо, чтобы не скатиться кубарем и не сломать шею. Лестница здесь крутая. В самом низу он оборачивается и подает руку, я опираюсь на нее, и мир снова кренится набок, я неудачно падаю, и он опять ловит. У-ух!

— Это шторм? Извините, меня шатает, — выдаю.

Максим сжимает мою талию. Сердце колотится, я заглядываю ему в глаза и целый миг не понимаю, почему не сделала так сразу, при знакомстве. Очевидно же, что хорошо.

Очень хорошо.

— Не должен по прогнозу, — отвечает он. Отпускает. Отворачивается.

Смущаюсь. В коридоре полумрак. Голос Максима кажется таинственным. Я скидываю туфли, потому что сил больше нет.

— Хорошо, что вы пошли первым и ловили меня. Я сначала удивилась, ведь девушек пропускают вперед, а вы все продумали заранее.

— По этикету на лестнице мужчина всегда стоит ниже.

— Да-а?! — поражаюсь. — Вы напились в хлам и все равно действуете по этикету?! Вы из тех, кого лупили розгами и ставили коленями на горох?

Максим хрипло смеется, опирается рукой о стену и чуть склоняет голову.

— На гречку.

— Серьезно?!

— Пипец, малая, я и правда напился до вспышек перед глазами. Это как. Вообще. Где ты взяла то шампанское?

— Вы употребляете в речи слово «пипец»?

— Не ругаюсь матом при леди. Ты сама себе налила?

— У меня тоже вспышки! — заявляю. В эту секунду открываются резервы, меня наполняет энергия, а жажда сменяется каким-то жгучим жаром. — Мне даже нравится! Я так классно себя чувствую! У-ух! — Кружусь на месте, танцую.

Макс прислоняется плечом к стене и смотрит на меня, слегка улыбается, и я снова кружусь. Он усмехается.

А я думаю о том, что он красивый. Нет, он сверхкрасивый, причем красоту его описать очень сложно. Я от таких мужчин всегда за километр держалась. В нем нет ни грамма женственности, в отличие от парней, с которыми я недавно познакомилась на съемках. От начала и до конца мужик. Высокий, спортивный, плечи эти пловца. Он с татуировками и заломом между бровей. Он взрослый в каждом жесте, в каждом слове. Грубый, уверенный в себе. Со щетиной на лице, квадратным подбородком и всем прочим, что оттолкнуло бы в других. Но Макс почему-то нравится. Он так сильно нравится, что подгибаются пальцы ног. Запыхавшись, останавливаюсь перед ним и заглядываю в глаза. Сердце бахает, голова кругом. Его рот приоткрывается, я привстаю на цыпочки.

Пол покачивается снова, я теряю равновесие, и Максим меня ловит. Прижимает к себе быстрым движением. Грудь у него твердая, пахнет он... по-мужски, собой, ладонь широкая на талии. Ни сантиметром ниже. Сердце молотит, ноет, болит. Господи.

Максим наклоняется и целует в губы. Следом мир тонет в темноте.

Я застываю и умираю всем существом, каждой клеточкой. Боже... Что он творит?!

Пошевелиться не в силах. Сердце делает кульбит, потом еще один — там целая олимпийская серия. Губы Максима не наждачка, как могло показаться ранее, когда грубил и слал матом. Они... мягкие. Я закрываю глаза и, обалдев, робко отвечаю.

Он обнимает надежно и тепло обеими руками. Я ощущаю на своей коже мятное дыхание, я дрожу от вопиющей близости. Макс совершает еще движение губами, а потом еще одно — чувственное, нежное, и я остаюсь пораженной в самое сердце. Я в жизни не могла подумать, что он... что с ним... может быть сладко. Пробую, отвечаю, я... растопыриваю пальцы рук. Я... отчего-то с ума схожу.

Это так приятно. Господи, как это приятно.

Нерешительно обнимаю его за шею. Трясет. Трясет от того, какой он... большой, взрослый, настоящий герой, сейчас — внимательный и осторожный.

— Аня, Аня. — Максим отстраняется мягко. — Тише, девочка. Не туда я нас веду.

— Это шторм.

Сердце где-то в горле. Пальцы рук и ног покалывает, а в груди и внизу живота печет. Печет с каждым ударом все сильнее, как будто кипятком в меня брызгают.

Максим на секунду к себе прижимает, и я чувствую себя невесомой.

— Я испугалась этого Льва Васильевича очень сильно. Спасибо вам. Спасибо.

Он качает головой.

— Сука. Я его зарою. Завтра. Шампанское.

— Я не понимаю.

— Ты сейчас запрешься и ляжешь спать. Никому не открывай. Особенно мне.

— Почему особенно вам?

Стреляет глазами, отворачивается.

Душа замирает. Мы крепко держимся за руки, пока идем по коридору. Прямой физический контакт искрит. Я представляю, что мы вот так идем по городу вдвоем. Представляю и шалею от собственной смелости.

Мир падает на другой бок, Максим тоже покачивается.

— Вы пьяны?

— Я тебя. Пиздец хочу.

Прошибает насквозь. Я больше не чувствую ни рук, ни ног, ни тела. Застываю от ужаса, вспоминаю ту каморку, фотографа.

— Не трону, не бойся. Где твоя каюта?

Коридор какой-то бесконечный. Поворачиваем. Всё, о чем я думаю, — это Макс.

— Максим. Максим. Имя красивое.

— И у тебя красивое.

— Правда? Спасибо. Меня в честь бабушки назвали. Мама хотела Кирой, но папа настоял.

— Аня, ты и сама красивая. Если бы я был твоим отцом, я бы приставил к тебе охрану. Блядь. Что происходит. — Он качает головой. — Охрана бы нам не помешала уже сейчас. Где, ты сказала, твоя каюта?

— Я не знаю.

Начинаю оглядываться и понимаю, что мы в совершенно незнакомом коридоре с ковролином на полу. В нашей части яхты такого не было.

Губы горят нестерпимо, я в ужасе от того, что мы целовались. И от того, что перестали. Полный сумбур.

— Я не помню, куда идти!

— Мою мы прошли, — кивает Максим назад.

— Сейчас. Я... вернусь обратно. Она... этажом ниже! Простите, голова кружится. Мне жарко. Душно.

Мы смотрим друг на друга. В его глазах просто пламя, он смотрит в упор, и кажется, что между нами прозрачная стена толщиной в полметра, из его выдержки и воспитания на гречке. Иначе он бы уже подошел. Как в кино прижал меня к себе.

Хмурится. Его движения словно надломленные. Меня же топит волнами, будто я все же прыгнула за борт, вот только они горячие, как парное молоко. Одна за другой омывают. Тепло, приятно, жарко. Я расстегиваю несколько верхних пуговиц на платье.

Макс упирается ладонью в стену и зажмуривается. Я касаюсь его плеча, как до этого делала танцовщица, в этот момент он рывком притягивает меня к себе, прижимает к стене. Да так, что пищу! Нависает.

— Блядь, как ты пахнешь.

Я громко, жадно дышу. Его губы накрывают мои, и я умираю. Вмиг умираю от сладости и восторга, от нежности и грубости, от его вкуса.

Есть такие чувства, которым нельзя сопротивляться.

Вцепляюсь в его шею, обнимаю. Он целует так, что душа в клочья. Я не думаю... не уверена, что после таких поцелуев можно продолжать считать себя девственницей. Нежно его глажу, я дышать боюсь. А потом, громко застонав, ерошу волосы на его затылке.

Максим отрывается и отходит на два шага. Поправляет штаны.

— Малая, со мной что-то не то. Дурной. Сделаем так.

Он достает карточку, его руки дрожат. Я сама как дурная, на моих губах его вкус, я ни о чем другом думать не могу. Я такого чувства не знала. В кино видела только.

Я влюбилась?

— Я в вас втрескалась. Кажется, — сообщаю искренне, как есть.

Сердце в груди горит. Как такое скроешь? Он целовал, а я летала в облаках.

— Я ни с кем ни разу. Я просто... не хотела раньше.

Карточка из его рук падает. Макс быстро наклоняется, шарит по полу, поднимает. Ведет меня до своей каюты, открывает дверь и заталкивает меня туда.

— Ложись. Спи. Никому не открывай, — командует безапелляционно. Грубит.

Волосы дыбом, я не представляю, как такому можно не подчиниться.

— А вы?

— Я, блядь, или упился, или тоже влюбился. Подышу.

Он закрывает дверь перед носом, и я остаюсь одна в небольшой каюте на одного человека.

А говорил, что не матерится при девушках.

На стуле висит его рубашка. Я подхожу, хватаю, прижимаю к себе и жадно вдыхаю запах.

Боже...

Зря. Мир погружается в туман. В животе пожар такой, что буквально умираю. На стенку лезть хочется. Я думаю о поцелуе, о поцелуях с Максом и трясусь.

Трогаю, трогаю свои губы. Тру их до боли.

Есть такие чувства, которые оправдывают всё. Даже плохие поступки.

Сажусь на кровать, дрожу. А потом я натыкаюсь взглядом на корсет той танцовщицы, она надевала его для танца на топ. Поражает ужасом. Она была здесь. Раздевалась. Но постель не тронута. Боже. Ревность ударной волной сносит здравый смысл. Я трясусь. Я...

Срываюсь с места, открываю дверь и выглядываю в злополучный коридор.

Максим. Он сидит чуть поодаль на корточках, спиной к стене прислонился. Сжимает виски. Увидев его в такой позе, замираю. Она настолько ему не идет с его-то осанкой, что меня прошибает. Чувствую боль. Его боль. Какой силы она должна быть, чтобы заставить этого мужчину вот так сжаться?

Издалека видно, как он напряжен. Кажется, что каждый мускул налит кровью.

Я вдыхаю воздух, который словно пропитан им. И понимаю, что Максиму больно, как и мне. Пот градом. Сердце бедное колотится, трепещет. Я хочу утешить. Укутать, подарить покой и ласку.

— Максим! — окликаю.

Он поднимает глаза, смотрит на меня.

В каюте светлее, и я отвыкла от полумрака. Не вижу, что в его глазах.

— Мне плохо.

Он поднимается и подходит.

С трудом отдаю себе отчет в том, что иду навстречу. Мы встречаемся на середине, и мой мир сужается до него одного. Я больше ни с кем другим не хочу целоваться. Никогда. Всё, о чем мечтаю, — поцеловать его еще раз. Еще один раз.

Максим накрывает мои губы своими, и я делаю глубокий вдох. Его руки обнимают крепко, а потом начинают ласкать. Он водит ладонями по спине, плечам, и это настолько приятно, что я задыхаюсь. Никогда в жизни мне не было так приятно. Никогда в жизни я не чувствовала ничего подобного. Его руки — одновременно бережные и сильные — безумное сочетание. Я дрожу. Мир покачивается из стороны в сторону, а затем крутится волчком.

Его язык проникает в мой рот.

Я люблю тебя.

Макс стягивает с меня платье. Сначала пуговицы в стороны летят, мягко приземляясь на ковролин. Потом ткань падает.

Я люблю тебя.

Расстегиваю его рубашку и голой льну к груди. Боже, как он пахнет.

— Мне больно, — шепчу. — Пожалуйста, мне больно.

Спазмы сводят живот. Слезы текут по лицу. Макс собирает их губами. Он так нужен мне. Он — всё. Объятия и поцелуи становятся жадными, хаотичными. Необходимыми, как воздух. И мы дышим. Надышаться не можем. Вот откуда это выражение взялось — как-то мигом догадываюсь.

Максим сжимает мои бедра. Приподнимает за ягодицы. А потом я чувствую *его* там, между ног... Горячий, твердый. Я дрожу снова и снова, пока он целует плечи и грудь. Умираю и рассыпаюсь в стонах, когда он плавно двигается, трется об меня. Стискиваю его плечи изо всех сил, царапаю, иначе вынести происходящее немыслимо. Макс наваливается на меня, придавливает к стене так, что воздух выбивает из легких.

Глажу его без остановки — шею, плечи, лопатки. Глажу и щипаю. И опять царапаю. А он целует жадно, быстро, трогает меня, языком лижет.

Я люблю тебя. Так сильно люблю тебя.

Он отрывается от груди. Приподнимает меня за ягодицы выше и вновь наваливается. Между ног прошивает боль. Макс толкается в меня, и я запрокидываю голову. Боль на время тушит жажду. Она легкая, мимолетная, следом меня топит волной кайфа, и я захожусь в новом витке безумия.

Пальцы дрожат и сжимаются. Дыхание рвется. Сердце долбит о ребра. Меня скручивают сладкие спазмы. Болезненная жажда, что терзала тело, в миллиард раз усиливается. Я плавлюсь в ней, и только его толчки помогают выдержать. Сладко. Безумно. Горячо. Макс жадно дышит мною, и осознание этого — приканчивает. Наслаждение усиливается по нарастающей, я в нем горю и взрываюсь, снова и снова. И снова.

С каждым его движением.
С каждым поцелуем.

Глава 9

У Лалы, в миру Анастасии, зеленые глаза, русые волосы и до смешного тонкие запястья, вот только мне рядом с ней смешно не было. С пятнадцати лет — на полном серьезе. С момента, когда ее мать пришла в гости к моей, прихватив дочь, дабы показать, как живут зажиточные гаджо. Чужие. Лала никогда не отзывалась на Настю, а я настырно именно так ее и звал, сам не знаю зачем. Может, чтобы привлечь внимание?

Она злилась, психовала, игнорировала, в нашу первую ночь я ей этой самой Настей сознательно мстил. За что? За верность традициям. За свадьбу, во время которой в первый и последний раз напился до скотского состояния. Семнадцать лет — возраст открытий, вот сын посла, студент юрфака МГУ, и открыл для себя водку. Сын посла, проигравший в гонке тупому тунеядцу, который, кроме как жену колотить, по жизни ничего делать не умеет. Сам я, впрочем, в те годы был не намного умнее, мститель неуловимый.

Традиции... Блядь. Всё: жизнь, здоровье... гребаная любовь — всё разбивается об этот краеугольный камень. Лала уважила родителей и вышла за того, кого они выбрали. Рыдать ей было нельзя, но она прибегала ко мне и рыдала. И после брачной ночи, и через год, два, пять. Посылала меня куда подальше, когда предлагал бросить все и переехать ко мне. И с детьми бы ее забрал, вырастил, по фигу. Вот как пекло. И болело.

Пекло и болело в груди при мысли, что ему отдала первый раз и отдается каждый день. Жгло, на пыточном колесе крутило, отравляло. Сейчас уже пусто внутри, ничего не осталось. Спустя годы я и звать перестал, мы просто спали. Лала сбегала ко мне, чтобы глотнуть воздуха, — я был с ней, потому что вело. От одного взгляда зеленых дьявольских глаз вело, от одной улыбки. И до сих пор каждый раз как удар, когда она беременеет.

Цыганское проклятье — как еще скажешь? Женщин люблю страстно. Много их было — и успешных, и простых, и красивых словно с обложки, и просто миленьких. А вело от одной.

С Олеськой вроде как нечестно, но не всем же суждено быть с той, от кого кровь кипит и нутро в узел скручивается. Последнее, кстати, в минус, потому что работе мешает. Отец говорил об этом, но тогда его слова в одно ухо влетали, из другого — вылетали. Впрочем, что-то задержалось посередине, раз в итоге я познал спокойные, комфортные отношения.

Жизнь — намного сложнее, чем кажется в семнадцать, к тридцати ты или неудачник, или научился верно расставлять приоритеты.

Во всем, что касается реальной жизни, нужен порядок, дисциплина — синоним успеха. Анархия и эмоциональность развращают, они допустимы лишь в хобби. Чем масштабнее планы, тем жестче график, а у нас с пацанами масштабные…нет, даже великие планы на Кале́ (выдуманный район в столице. — Прим. автора).

***

Солнечный свет падает на глаза и печет, я морщусь и первым делом тянусь к плетеному браслету на руке — подарку Лалы. Как она пояснила, заговоренному. Когда дарила перед свадьбой своей, я спросил: «Заговор на любовь и верность?» Она расхохоталась и заявила: «Чтобы не убили тебя, дурак, раньше отмеренного срока». Но я все же предпочитал думать, что на первое. Что это все браслет, а не тупой мозг, который пятнадцать лет не может бабу стереть из центра удовольствия.

Со временем он стал талисманом. Уж не знаю, из чего сделан и по какой технологии, но каждое утро я начинаю с того, что поправляю браслет.

Это ж надо было так упиться. Башка будто треснула и продолжает разваливаться, тело ломит. Поспать бы еще час, но, сука, режим. Спорю, сейчас около пяти. Я веду по руке, проверяя браслет, а потом резко открываю глаза.

Потому что пусто. Потерял. Раздражение вспыхивает, воспламеняет кожу, ощущение потери черное, давящее. Следом сквозь похмелье приходит понимание, что в кровати я не один. И пыл этот факт тушит моментально.

Впиваюсь глазами в костлявую спину. Тонкая, полупрозрачная кожа, россыпь веснушек по хрупким плечами. Изгиб талии к округлым, как сердечко на вид, ягодицам.

С каждой новой отмеченной деталью пульс ускоряется. Тело реагирует, о пах каменеет — природа даже сквозь шок берет свое.

Блядь, красиво неимоверно. Дух захватывает.

На подушке копна рыжих волос. Пытаясь удержать рассудок и здравый смысл, я, хотя и довольно лихорадочно, отмечаю, что одежды на девице нет. Вообще никакой, даже трусов. На мне, впрочем, тоже.

Пи-здец.

Сердечная мышца уже крушит ребра. Обрушиваются обрывки прошлой ночи: бешеные поцелуи, вздохи, нетерпение. Неистовая жажда жить и брать. Запах. Голод. Дикий, животный, по венам, к каждой клетке. Такой, сука, голод, что истинное чудо, если девка до сих пор дышит. Внутри такое опустошение, словно всю ночь ее трахал, часами.

Больше ни хрена не помню. Провал. Ощущения — да. Стоны девичьи, ее открытость и податливость, ее откровенные реакции, а потом спазмы. Как сжимала меня там, помню, словно тисками, как подгоняла действовать. Как кусала и царапалась, словно обезумевшая от удовольствия белка. А мне того и надо было — ее. Сейчас. Всю.

Сглатываю.

Как именно трахались, стерто. Причинно-следственные связи — тоже. Почему мы оказались здесь? Кто предложил?

Неужели, блядь, я?!

Убиться об стену, если это был я. На хера?!

Раздражение обрушивается ледяным потом. Мне, блядь, нельзя это все, у меня повышение. И свадьба! Олеська же ж. Все внутри обрывается. Прости, Лисёнок мой маленький. Я Лалу игнорировал, чтобы тебя не обижать, ни разу не сорвался. Леденею. А тут-то с чего? Волосы дыбом, когда осознаю, что сделал.

Встаю с кровати и ищу штаны.

Девица начинает вошкаться, томно вздыхает.

Злость топит. Какого. Блядь. Хрена.

Помню, как выпроводил стриптизершу, которая липла листом банным. А это кто, мать ее, вообще? Откуда взялась?! Трахались с ней всю ночь, удовлетворение служит подлым напоминанием. Этого не должно было случиться. Не должно было ни при каких обстоятельствах.

Память возвращается болезненными волнами. Официантка рыжая. Как ее там? Аля? Аня? А казалась нормальной, знающей себе цену юной барышней.

Даже разочарование чувствую, потому что понравилась. Плевала в лицо, что не шлюха, а в постель-таки прискакала, как поманили.

Поманили? Н-да. К себе, впрочем, вопросов еще больше.

Синяков на теле девицы я не вижу. Сопротивления не помню. Объятия — да, были. Ее крики — застыли в памяти и сейчас, всплывая, простреливают возбуждением в пах.

Блядь, Олеся. Вспоминаю глаза невесты, дабы остудить пыл, не понимая, что происходит и почему так хочется продолжения. Раскаяние давит на виски.

Сука. Сука. Сука.

Где гребаные штаны?! Под ногами куча смятой одежды, не припомню, когда в последний раз я плевал на вещи и вот так швырял их на пол в порыве похоти. Возможно, ни разу. Тянусь к сумке.

Девица умиротворенно потягивается, явно никуда не спеша и ощущая себя превосходно.

— Одевайся и уматывай, пока никто тебя здесь не увидел. — Голос звучит глуше, чем я планировал, но уж как выходит. Кофе варить не буду.

Ладно. Трахнулись и трахнулись, дай бог забудем, словно не было. Надо будет анализы сдать, о резинках я, судя по всему, не думал. По крайней мере, вокруг они не валяются. Схожу к венерологу и психиатру. К психиатру даже раньше надо, голову бы проверить.

Рыжая вдруг застывает. А потом подскакивает на месте. Точно — бешеная белка. Ошарашенно пялится на меня. На себя. Хватает одеяло и прикрывает грудь. Всю себя прячет. А я вижу красные пятна на простынях. Смотрю на свой пах. Снова на простыню.

Она еще белая, сука, как назло — контраст идеальный.

Девица краснеет и пищит, а я опускаю руки, понимая все.

Вот теперь точно пиздец.

Гребаный конец света.

Глава 10

Аня

Я поначалу вообще ничего не понимаю. Максим что-то говорит, как будто злится, а я, словно парализованная, лишь ресницами хлопаю и озираюсь.

Когда он начинает метаться по каюте, просто зажмуриваюсь. Максим глухо ругается, а мне нестерпимо стыдно, что я тут голая сижу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.